

Каждое из произведений Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, главного редактора журнала «Знамя» Вадима Михайловича КОЖЕВНИКОВА — «Знакомьтесь, Балуев», «Заре навстречу», «Щит и меч», «В полдень на солнечной стороне», «Корни и крона» — века в развитии советской литературы.

Начало журналистской, литературной работы Вадима Кожевникова совпало с первой пятилеткой, с горячим временем индустриализации и коллективизации. По комсомольскому призыву работал он забойщиком в Подмосковном угольном бассейне, бетонщиком и арматурщиком на строительстве Краматорского завода, затем в политехдепартементе МТС на Кубани.

В беседе с нашим корреспондентом Вадим Михайлович сказал:

— Жизненные обстоятельства, рабочий опыт стали материалом уже самых первых вещей. В повести «Кипяток» я написал, например, о простом кубовщике в бараке, который, как мог, заботился о людях, и эта его забота облегчала трудности быта тех лет, изменяла атмосферу человеческих отношений. Для меня этот кубовщик стал символом преданности своему делу.

В те годы я писал много репортажей, заметок, очерков в газетах о различных проблемах производства и строительства. Тогда от журналиста ждали немедленной, реальной помощи делу, часто ему приходилось просто выступать в роли «толкача». Наверное, еще в те годы я убедился в том, что публицистика — неотъемлемая часть литературы.

У меня всегда замысел крупного произведения зарождался, когда писал статьи, очерки. Так было и с последним моим романом «Корни и крона», в котором я попытался создать широкую картину заводской жизни, разобраться во многих особенностях научно-технического прогресса, в новых принципах организации производства, а также поднять проблемы партийно-воспитательной работы. Наша действительность движется стремительно. И многие из затронутых в новом романе вопросов, которые решались жизнью, были только ростками, а спустя год-два стали уже фактом повседневной производственной организации труда. Вот вам пример самой тесной связи между словом писателя и жизнью.

Мой Должинов — корень

рабочей династии, знаток машиностроительного дела, умеющий передать молодым свой опыт. Здесь меня особенно занимала мысль о преемственности поколений.

— Какие по-вашему, произошли сдвиги в самосознании рабочего человека за сравнительно небольшой исторический отрезок времени?

— Кадровые рабочие имеют общие типические черты, которые складывались десятилетиями. Корни их мировосприятия — в революционных традициях русского пролетариата. У кадрового рабочего первых пятилеток, как правило, была минимальная грамотность, но недостаток знаний восполнялся энтузиазмом, одержимостью, готовностью поступать личным ради общего. На стройки тогда стекалось множество народа из деревень, и приходилось вести среди них воспитательную работу с учетом разницы в уровне сознания городского рабочего, — как правило, политически и общественно активного, — и человека, только что пришедшего из деревни, зачастую не знавшего грамоты, еще не понявшего измененной действительности.

Сегодня человек со средним образованием, с хорошей

профессиональной подготовкой на производстве, на строительстве — обычное явление. Ему многое дано, и справедливо спрашивать с него строже, как с мастера. И мне особенно дороги те мои герои, которых можно назвать высоким званием — мастер.

— Вадим Михайлович, что, по вашему мнению, опреде-

ляет, но она окупается, когда находишь что-то талантливое, свежее.

Но каждый человек, а тем более пишущий, должен время от времени возвращаться к классике, нашей опоре. Мне очень близок Горький, но не потому, что поощрил меня, молодого, а потому, что все его творчество обращено к людям труда и раскрытию их

НИ ОТ ОДНОЙ ЧАСТИЦЫ НЕ ОТКАЖУСЬ

К 75-летию Вадима Кожевникова

ляет суть настоящего произведения?

— Я бы сказал так: произведение бывает значительно тогда, когда в нем заложен большой силы художественный заряд, благодаря которому впечатление от вещи неразрывно с актуальной общественной идеей.

Типическое в жизни превращается в типическое в литературе тогда, когда писатель создает характер, ситуацию, исходя из собственной концепции личности. Я всю жизнь уважал, могу сказать, благоговел перед человеком труда. Еще ребенком я видел и общался с каждым, кто делал для нас необходимые вещи: стол, за которым сидели, тулуп, который носил... Через всю жизнь пронес чувство уважения к чужому труду. Труд один только и формирует и возвышает по-настоящему человека, развивает и умножает талант.

— Каким главным принципом вы руководствуетесь в своей работе главного редактора журнала «Знамя»?

— Принимая к публикации то или иное произведение, я думаю о том, чтобы прибавить что-то к нашей литературе. Конечно, постоянное чтение новинок, периодики, рукописей — нагрузка нема-

внутренних богатств. Свой автобиографический роман «Заре навстречу» я писал под впечатлением «Клима Самгина».

Чехов, как и Гоголь, для меня — высшая мера. Конечно, близок Лев Толстой. Преклоняюсь перед Достоевским, его величайшим умением полезно терзать человеческие души, перед его иступленной яростью, с которой он боролся за совершенствование человеческой природы, но вместе с тем, когда читаю Достоевского, долго потом не могу писать, потому что он не высветляет, а омрачает сознание, «Мучительство жизни» в его произведениях противоречит моим убеждениям и взглядам на жизнь.

— При вашей занятости вы сейчас, насколько известно, работаете над новым произведением?

— Да, пишу многоплановую вещь о современности, события в которой переплетаются с военным временем. Героям моего будущего произведения выпало пережить многое из того, что пережило мной, они обладают моим мировосприятием, ни от одной частицы которого не откажусь.

Вела беседу
Л. МЕШКОВА.